

Сесилия Ахерн

ПОДАРОК

Роман

Перевод с английского Елены Осеневой

Информация о книге

УДК 821.111—055.2Ахерн

ББК 84(4Ирл)-44

A95

Дизайн обложки Надежды Черемных

Ахерн С.

Книги Сесилии Ахерн покорили читателей многих стран, любимы они и в России. Роман «Подарок» (2008) также не разочарует поклонников ее творчества.

Лу Сафферн, главный герой романа, поистине баловень судьбы — по крайней мере, так считают окружающие. Он сделал блестящую карьеру, у него прекрасная семья и великолепный дом. На самом же деле в его жизни все запуталось: в погоне за профессиональным престижем ему приходится жертвовать интересами своих близких. И вот как-то раз он встречает бродягу, внешне очень с ним схожего. От этого странного человека Лу получает чудесный подарок — снадобье, наделяющее его способностью находиться в двух местах сразу.

УДК 821.111-055.2Ахерн

ББК 84(4Ирл)-44

© Cecelia Ahern 2008

© Е.Осенева, перевод на русский язык, 2009

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2012

Издательство Иностранка®

Подарок

Весь пыл моей любви — моей семье за дружбу, поддержку и любовь — Мим, папе, Джорджине, Ники, Рокко и Джей. Дэвид, спасибо тебе!

Огромная благодарность всем моим друзьям, дарящим мне радость и украшающим жизнь, Йойо и Леони — за Рантарамас. Спасибо Ахою Маккою — за уроки управления яхтой.

Спасибо коллективу «Харпер энд Коллинз» за поддержку и веру, которая так меня вдохновляла и побуждала к действию. Спасибо Аманде Райдаут и моим редакторам — Линн Дрю и Клер Бонд. Фиона Макинтош и Мойра Рейли — спасибо!

Спасибо Марианне Ганн О'Коннор за то, что она такая, какая она есть. Пэт Линч и Вики Сатлоу — спасибо!

Спасибо всем моим читателям, я буду хранить вечную благодарность вам за вашу поддержку.

Рокко и Джей — лучшим из подарков, полученным одновременно.

1. Воинство секретов

Если рождественским утром вы пройдете по улице вдоль ряда окраинных домиков, то непременно почувствуете сходство их мишурных пряничных фасадов со свертками подарков, что лежат под наряженными елками

внутри. Потому что как те, так и другие таят в себе секреты. Тяга прощупать и, проткнув, порвать яркую упаковку, посмотрев, что спрятано под ней, сродни неодолимому желанию заглянуть в щелку меж задернутых штор и застигнуть момент единения семьи в это утро Рождества, момент, обычно скрытый от любопытных глаз. Потому что внешнему миру, погруженному в умиротворяющую и в то же время полную трепетных предчувствий особую тишину этого единственного из всех утра, домики эти видятся нарядными игрушечными солдатиками, стоящими плечом к плечу — грудь вперед, живот втянут, — гордо и зорко охраняющими то, что сокрыто внутри.

Дома в это рождественское утро подобны шкатулкам запятанных истин. Венок на двери — это палец, прижатый к губам, опущенные жалюзи — как сомкнутые веки. А потом, раньше или позже, за опущенными жалюзи и задернутыми шторами затеплится огонек — слабый признак начавшегося движения.

Как звезды на небе, являющиеся невооруженному глазу одна за другой, как крупницы золота на лотке старателя, за шторами и жалюзи в рассветном полумраке возникают огоньки. И постепенно, подобно небу, загорающемуся звездной россыпью, или счетам миллионера, неуклонно пополняющимся новыми поступлениями, комната за комнатой,

дом за домом, улица начинает просыпаться.

В рождественское утро кругом воцаряется покой. Но пустынные улицы не внушают страха, скорее напротив: пустота их — это символ надежности и безопасности, несмотря на зимний холод, она дышит теплом. По разным причинам, но всех в это утро тянет к домашнему очагу. Ведь если снаружи мрачновато, то внутри расцветает мир бешено ярких красок, мир, полный восторга, клочков оберточной бумаги и разлетающихся во все стороны цветных ленточек. Воздух настоян на праздничных ароматах корицы и прочих специй, густо напоен рождественскими мелодиями и радостными ожиданиями. В воздух, как ленты серпантина, несутся веселые возгласы и отзвуки объятий, шутихами взрываются слова благодарности.

В Рождество все становятся домоседами, мало кто грешит бродяжничеством, даже у самых неприкаянных есть какая-никакая крыша над головой.

Лишь редкие черные точки одиноких прохожих на пути из дома в дом испещряют улицы. Подкатывают машины, из которых выгружают подарки. Из распахнутых дверей в холод улицы доносится шум приветствий, дразня догадками о происходящем внутри. Но только ты на порог, устремившись вслед за ними, только ощутишь себя словно в толпе долгожданных гостей — не чужаком, а одним из приглашенных,

— как парадная дверь захлопывается, замыкая остаток дня напоминанием, что не твой это праздник.

И сейчас в этом квартале игрушечных домиков по улицам бредет одинокая душа. Но не любоваться красотой потаенного мира, что прячется за этими стенами, пришла она сюда. Душа эта изготовилась к войне — распутать бантом завязанный узел, разорвать обертку, раскрыв то, что таится внутри дома под номером двадцать четыре.

Для нее не столь важно, чем заняты сейчас обитатели этого дома, но для особо любопытных скажем, что в этот момент младенец десяти месяцев от роду, ошеломленный выросшим в углу комнаты огромным сверкающе-зеленым и щетинящимся иголками предметом, тянет руку к блестящей красной игрушке, в которой так смешно отражается знакомая пухлая ручка и слюнявый ротик. В это же время двухлетний малыш валяется в ворохах оберточной бумаги и мишуры, подобно принимающему грязевые ванны бегемоту; в свою очередь, отец семейства застегивает бриллиантовое кольцо на шее матери семейства, и та, прижав руку к груди, изумленно и недоверчиво покачивает головой, как делали героини виденных ею когда-то старых черно-белых кинолент.

Нам это не столь важно, чего не скажешь о мальчугане, стоящем сейчас в палисаднике дома

под номером двадцать четыре и сиящемся проникнуть взглядом сквозь зашторенные окна гостиной. Что происходит за окном, он видеть не может, но этот четырнадцатилетний подросток, чье сердце уязвлено, а перед глазами стоит образ матери, льющей слезы все дни напролет, способен проявлять догадливость.

И потому, взметнув руки над головой и широко размахнувшись и отведя плечо назад, он делает сильный бросок. Он бросает то, что держит в руках, и, отступив, с горьким злорадством видит, как пятнадцатифунтовая замороженная индейка, разбив стекло, влетает в гостиную дома номер двадцать четыре. Вторая преграда из затянутых штор между ним и теми, кто в гостиной, несколько замедляет полет птицы. Она грохается на пол, но останавливается не сразу, а, вертясь и кувыряясь, продолжает скользить по полу, пока не замирает, найдя последнее пристанище под рождественской елкой.

Это им подарок от него.

Люди, как и дома, хранят свои секреты. Не то секреты обитают в них, не то сами они обитают в секретах. Они удерживают секреты, крепко прижимая их к груди, язык облекает их в ложь, чтобы невзначай не выболтать. Но время идет, истина побеждает, правда берет свое. Она, извиваясь, корчится, ворочается, растет, натруженный враньем язык уже не в силах

скрывать ее далее, и наступает пора, когда приходится выговорить слова, выплюнуть их, дав свободу громовой истине. Время всегда играет на руку истине, соседствуя с ней и поддерживая ее.

Эта история о людях, времени и истине. О людях, которые, подобно сверткам с рождественскими подарками, таят свои секреты, укрытые множеством оберток, пока наконец секреты не явятся тем, кому они предназначены, кто сумеет снять обертку и докопаться до сути. А иной раз стоит и себя подарить кому-то, чтобы понять, кто ты есть на самом деле. Иной раз, чтобы докопаться до сути, тоже приходится снимать обертки.

Наша история повествует о человеке, снимающем обертки. И о человеке, раскрывающемся, обнажающем свою суть перед теми, кому это важно. А те, кому это важно, раскроются в свой черед. Дайте только срок.

2. Утро ухмылок

Сержант Рэфаел О'Рейли медленно и методично расхаживал по тесной служебной кухоньке полицейского участка Хоут-Гарда, вновь и вновь возвращаясь мыслью к утренним открытиям. Его все знали как Рэфи, что следовало произносить: *Рейфиуи*; в свои пятьдесят девять он должен был отслужить еще год до выхода на пенсию. Не думал он, что будет с тоской ожидать этого дня, пока не случилось то, что случилось утром, пока произошедшее, ухватив его за плечи, не встряхнуло хорошенько, не перевернуло вверх тормашками, как это делает снегоочиститель с комьями снега, пока все, что он думал раньше, все его предыдущие планы и соображения не разбились, не разлетелись в пух и прах. С каждым шагом теперь он слышал, как поскрипывают под ногами осколки его некогда твердых убеждений.

Он отмерил в кружку две чайные ложечки растворимого кофе. Кружку в виде здания нью-йоркского управления полиции привез ему из Нью-Йорка в качестве рождественского подарка один его сослуживец. Рэфи притворялся, что подарок оскорбляет его эстетические чувства, но на самом деле кружка была удобна и кофе из нее успокаивал. Сжав ее в руках в то первое утро, он сразу перенесся мыслью на пятьдесят лет назад, когда тоже получил от родителей в подарок на Рождество игрушечную полицейскую машину.

Он холил и лелеял этот подарок, пока однажды не оставил машину на дворе на всю ночь и дождь не попортил игрушку, заржавевшую так сильно, что полицейских пришлось досрочно отправить в отставку. И сейчас, держа кружку, он испытывал сильное желание поводить ею по столу, одновременно имитируя звук полицейской сирены, а потом атаковать ею пакет сахара, который, если никого не случится рядом, в конце концов опрокинется, просыпав на машину свое содержимое.

Вместо всего этого, убедившись, что в кухоньке он один, Рэфи всыпал в кружку полложечки сахара. Преисполнившись некоторой уверенности, он кашлянул, дабы заглушить шуршание пакета в тот момент, когда ложка, вновь опустившись в него, вынырнула уже полной с верхом. Не пойманный за этим проступком, он, совершенно обнаглев, опять полез в пакет.

— Бросить оружие, сэр! — властно выкрикнул от дверей женский голос.

Испуганный вторжением, Рэфи вздрогнул, просыпав сахарный песок с ложки. На столе образовалась неряшливая кучка. Пора вызывать подкрепление.

— Пойман на месте преступления, Рэфи! — Подойдя к кухонному столу, его коллега Джессика быстрым движением выхватила у него ложку.

Она достала из шкафчика свою кружку, сувенирную, подарок Криса Крангла, и пододвинула ее через стол к кружке Рэфи. На секунду пышные груди белотелой Джессики уперлись в его полицейскую машину, и у Рэфи мелькнула мальчишеская мысль: как приятно, должно быть, ребятам-полицейским внутри такое прикосновение.

— И мне тоже! — Эти слова прервали цепь его видений — полицейских, обжимающихся с Джессикой Рэбит.

— Пожалуйста, — поправил ее Рэфи.

— Пожалуйста, — повторила она его голосом и закатила глаза.

Джессика была новичком. Она появилась в участке лишь полгода назад, но и за столь короткое время успела едва ли не вскружить голову Рэфи. Он питал слабость к этой двадцатилетней, в пять футов четыре дюйма ростом, крепкой блондинке, с такой готовностью и сноровкой выполнявшей любое задание. К тому же он чувствовал, что она привнесла в их полностью мужской коллектив столь необходимый дух женской предприимчивости и энергии. Многие из его товарищей согласились бы с ним, но, может быть, по причинам несколько иным, нежели его собственные. Он относился к ней как к дочери, которой не имел. Или же как к дочери, которую имел, но потерял.

Выкинув из головы ненужные мысли, он стал смотреть на Джессику, стряхивавшую просыпанный сахарный песок со стола.

Несмотря на всю ее напористую энергию, глаза Джессики, миндалевидные, темно-карие почти до черноты, таили в своей глубине что-то невысказанное. Как будто из свежего, недавно нанесенного слоя почвы вот-вот должны проклюнуться ростки — травы или злаков, что ждут своего часа под спудом. В этих глазах была тайна, познать которую он не слишком стремился, довольствуясь твердой убежденностью, что, какова бы ни была эта тайна, именно она побуждает Джессику действовать, толкая вперед, когда самое разумное было бы двигаться в обратном направлении.

— Ну, пол-ложечки меня не убьет, — проворчал он, пригубив кофе и решив, что в самый раз была бы еще ложка.

— Если, прижимая к обочине «порше» на прошлой неделе, вы чуть не окочурились, то вам для этого и пол-ложечки хватит. Вам что, нового сердечного приступа захотелось?

Рэфи вспыхнул.

— Да ерунда все это, сердце просто пошаливает, и не надо так шуметь! — прошипел он.

— Вам нужен покой, — сказала Джессика уже тише.

— Доктор сказал, что у меня все в норме.

— В таком случае ему самому голову проверить не мешает — до нормы вам далеко!

— Ты и знаешь-то меня всего полгода, — буркнул он, передавая ей кружку.

— Такие полгода целой жизни стоят, — усмехнулась она. — Ладно, так и быть, возьмите коричневый, — виновато добавила она и, набрав полную с верхом ложку из пакета с коричневым сахаром, высыпала ему в кружку.

— Коричневый сахар, коричневый рис, все коричневое. Помнится, было время, когда жизнь моя наполнялась более радужными тонами.

— Наверняка было время, когда вы и ноги свои видели, поглядев вниз! — моментально парировала она.

Старательно размешивая сахар в его кружке, она устроила в ней маленький водоворот, и, наблюдая это, Рэфи думал, что будет, если нырнуть туда с головой: выпрыгнет ли.

— Если этот кофе вас убьет, чур, я не виновата, — сказала она, передавая ему кружку.

— Если я помру, я стану преследовать тебя — буду являться тебе до самой твоей смерти.

Она улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными — улыбка лишь тронула губы и замерла где-то у переносицы.

Он следил за тем, как утихает водоворот в его кружке, а возможность прыжка в другую реальность уносится вместе с поднимающимся

вверх паром вверх. Да, чертовски трудное выдалось утро. Не до улыбок. А может, не совсем так. Может, тут уместны ухмылки. Непонятно.

Рэфи передал Джессике кружку с кофе — черным, без сахара, как она любила, и оба склонились над столом друг против друга, каждый дую на свой кофе, — ноги уперты в землю, душа витает в облаках.

Он глядел на Джессику — обхватив ладонями кружку, она вперилась туда взглядом, словно то был магический кристалл. Как было бы хорошо, если б это было так, если б обладали они даром предвидения, чтобы предотвратить многое из того ужасного, чему оказались свидетелями. Ее щеки были бледны, а глаза окружены розовой тенью — единственный след пережитого утра.

— Ничего себе утречко, верно, дружок?

В миндалевидных глазах что-то блеснуло, но она тут же опомнилась, взяв себя в руки, кивнув и сделав глоток в качестве ответа.

По легкой гримасе, которую она постаралась скрыть, Рэфи понял, что она обожглась, но, словно наперекор очевидному, сделала второй глоток. Даже кофе, и тому она бросает вызов.

— В мое первое дежурство на Рождество я всю смену проиграл в шахматы с сержантом.

— Повезло, — наконец подала она голос.

— Ну да, — задумчиво кивнул он. — Хотя тогда я так не считал. Тогда я рвался действовать.

Сорок лет спустя он с лихвой получил все то, к

чему тогда рвался, но с удовольствием отдал бы это назад. Возвратил бы подарок. В обмен на время.

— И выиграли?

Вопрос мгновенно вернул его к реальности.

— Ты про что? Что выиграл?

— Шахматную партию.

— Нет, — хмыкнул он, — поддался сержанту.

Она поморщилась.

— Я бы ни за что не поддалась.

— Не сомневаюсь.

Решив, что кофе теперь достаточно остыл, Рэфи наконец сделал первый глоток. Горло перехватило, он закашлялся, поперхнувшись, и, изобразив, что умирает, тут же понял, что, несмотря на все его старания, представление получилось малоубедительным и пахнет дурным вкусом.

Джессика только бровью повела и продолжала пить.

Он засмеялся, а потом наступило молчание.

— У тебя все будет в порядке, — заверил он ее.

Она кивнула, отозвавшись коротко, словно и без него это знала.

— Ага. Мэри позвонили?

Он кивнул.

— Сразу же. Она у сестры, — Ложь как временная мера, ложь во спасение и во благо в честь Рождества. — А ты кому-нибудь звонила?

Она кивнула и отвела взгляд. Вечно-то она его

отводит.

— А вы... вы рассказали ей?

Нет. Нет.

— А скажете?

Он опять уставился куда-то вдаль.

— Не знаю. А ты кому-нибудь расскажешь?

Она пожала плечами, как всегда, с непроницаемым видом и мотнула головой в сторону комнаты для задержанных.

— Тот мальчишка с индейкой все еще ждет там.

Рэфи вздохнул.

— Бессмыслица, — Что имелось в виду, жизнь или пустая трата времени, он не уточнил. — Уж ему-то рассказать можно?

Помедлив перед очередным глотком, она взглянула на него поверх кружки своими миндалевидными глазами. Голосом твердым, как вера сестер-монахинь, и без тени сомнения она заявила так решительно и определенно, что было бы нелепо оспорить непреложность этой истины:

— Расскажите ему. Если никогда в жизни мы никому об этом не расскажем, пусть знает хотя бы он.

3. Мальчишка с индейкой

Рэфи вошел в комнату для допросов, как в свою гостиную, точно намереваясь усесться в кресло, задрав ноги, и посидеть так, отдыхая. Внешность его не таила ни малейшей угрозы. Несмотря на внушительный, шесть футов два дюйма, рост, он не выглядел солидным, основательно заполняющим пространство. Голову он по привычке задумчиво клонил к земле. Брови как бы вторили этому движению, нависая над веками и прикрывая небольшие, с горошину, глазки. Он слегка горбился, словно втягивая плечи в некую не очень заметную выпуклую раковину. Другая выпуклость, побольше, намечалась в районе живота. В одной руке он нес пластиковую чашку, в другой свою фигурную кружку с недопитым кофе.

Мальчишка с индейкой воззрился на его кружку.

— Вот это да! А, нет — дешевка!

— Все равно как швырнуть индейку в окно.

На такое замечание мальчишка ухмыльнулся и сунул в рот бечевку капюшона от своей куртки.

— Почему ты это сделал?

— Потому что отец мой подонок и тот еще фрукт.

— То, что это не приз в рождественском конкурсе на звание лучшего отца года, я догадался. Но как это тебе в голову пришла индейка?

Мальчишка передернул плечами.

— Мама велела вытащить ее из морозильника, — сказал он как бы в объяснение.

— Но каким образом она очутилась на полу папиной гостиной после того, как ты вытащил ее из морозильника?

— Почти весь путь проехала у меня на руках, а в конце сама полетела, по воздуху.

— Когда должен был состояться рождественский обед?

— В три часа.

— Я имел в виду, на какой день он был намечен. Чтобы разморозить пять фунтов индюшатины, требуется минимум сутки. В вашей индейке пятнадцать фунтов. Если вы собирались есть индейку сегодня, надо было вытащить ее три дня назад.

— Да плевать, какая разница? — Мальчишка глядел на Рэфи как на полоумного. — Что, если б ее бананами начинить, лучше было бы, что ли?

— Я это к тому, что, если б ты вытащил индейку из морозильника вовремя, она успела бы оттаять, не была бы такой твердой и не пробила бы стекло. А значит, присяжные могут усмотреть в твоих действиях умысел. Что же касается бананов, то сочетание их с индейкой — рецепт не слишком удачный.

— Нет, никакого умысла у меня не было! — воскликнул мальчишка, и это прозвучало совсем по-детски.

Рэфи допил свой кофе и взглянул на подростка.

Мальчишка поглядел на поставленную перед ним чашку и поморщился.

— Кофе я не пью.

— Ладно. — Взяв со стола пластмассовую чашку, Рэфи опрокинул ее в свою кружку. — Еще не остыл. Спасибо. Так расскажи мне, как все это было утром. Что на тебя нашло, сынок?

— Вы же не та жирная сволочь, в чье окно я пульнул этой птицей, так нечего меня и сынком называть! И вообще, что это — допрос или сеанс у психотерапевта? Вы обвинение мне собираетесь шить или как?

— Посмотрим, не собирается ли предъявить обвинение тебе твой отец.

— Не собирается. — Глаза мальчишки забегали. — Не сможет! Мне еще шестнадцати нет. Так что если вы не отпустите меня сейчас, то лишь время потеряете.

— Я и так потерял его достаточно из-за тебя.

— Сегодня Рождество. Небось, других дел у вас сейчас и нет. — Он покосился на животик Рэфи. — Кроме как булочки жрать.

— Да вот — удивительное дело...

— Ну-ка, ну-ка, удивите!

— Утром один юный кретин швырнул в окно индейку.

Глаза у мальчишки опять забегали и остановились на настенных часах.

— Куда же это мои родители запропастились?

— Счищают жир с пола.

— Это не родители. — Он сплюнул. — Она, по крайней мере, никакая мне не мать. И если он придет забирать меня вместе с нею, я с места не сдвинусь!

— О, я сильно сомневаюсь, чтобы они приехали забрать тебя к себе в дом. — Сунув руку в карман, Рэфи вытащил оттуда шоколадную конфету. Развернул ее, громко шурша оберткой в тишине комнаты. — Ты обращал внимание, что последними в коробке всегда остаются клубничные? — Он с улыбкой кинул конфету в рот.

— Ну, вы-то небось и клубничные сожрете!

— Твой отец и его подруга...

— Проститутка паршивая, — прервал его мальчишка и, наклонившись к магнитофону, добавил: — Можете и это записать!

— Вот для того, чтобы передать дело в суд, они приехать могут.

— Папа не посмеет, — хрипло сказал мальчишка и досадливо вскинул глаза на Рэфи.

— Но он подумывает об этом.

— Нет, неправда, — захныкал мальчишка. — А если так, значит, это она его науськивает. Сука!

— Скорее это из-за того, что в гостиной у него теперь идет снег.

— Ей-богу? Идет снег? — И снова это прозвучало очень по-детски. Глаза подростка

расширились от радостной надежды.

Рэфи пососал конфету.

— Многие предпочитают шоколад кусать, грызть. По мне, так сосать вкуснее.

— Пососи-ка лучше знаешь что? — мальчишка тронул свою ширинку.

— Такие слова ты своим друзьям говори!

— Я не педик! — обиделся мальчишка. И тут же подался вперед, снедаемый детским любопытством: — Нет, серьезно, там у него в гостиной снег идет? Вот бы посмотреть! Отпустите, а? Я бы только в окно глянул!

Рэфи проглотил конфету и, опершись локтями о стол, строго сказал: — Осколки оконного стекла попали на десятимесячного ребенка.

— Да? — недобро усмехнулся мальчишка. Он откинулся теперь на спинку стула, но вид у него стал настороженный. Он тронул заусенец на пальце.

— Младенец находился возле елки, когда туда шлепнулась индейка. К счастью, обошлось без ранений. Я имею в виду ребенка. Индейка как раз пострадала. Думаю, для праздника она теперь не годится.

Мальчишка, похоже, ощутил некоторое облегчение и вместе с тем замешательство.

— Когда мама приедет забрать меня?

— Она уже выехала.

— Девушка с большими буферами, — согнув пальцы чашечками, он прижал их к груди, — уже

два часа, как сообщила мне это. Да, кстати, что это у нее с лицом приключилось? Вы что, поцапались? Милые бранятся?

Рэфи не понравилось то, как мальчишка говорит о Джессике. Он нахмурился, но постарался сдержаться. Не стоит этот паренек его нервов! А рассказывать-то ему стоит?

— Наверное, твоя мать едет потихоньку. На дорогах скользко.

Мальчишка взвесил его слова и как будто забеспокоился. Он все теребил заусенец.

— Слишком уж большая была эта индейка, — проговорил он после долгого молчания. Сжал в кулаки руки на столе и опять разжал их. — Она купила такую же, как всегда покупала, когда он еще с нами жил. Думала, может, он вернется.

— Мама твоя на это надеялась, — проговорил Рэфи скорее как утверждение, чем вопросительно.

Мальчишка кивнул.

— Когда я вытащил ее из морозильника, у меня прямо в голове помутилось. Уж слишком она была громадная.

И опять молчание.

— Я не думал, что она разобьет стекло, — сказал мальчишка уже тише и глядя в сторону. — Разве можно себе представить, что индейкой высадишь окно?

Он вскинул глаза на Рэфи, и в них было такое отчаяние, что Рэфи, несмотря на серьезность

ситуации, не смог скрыть улыбки — с такой искренней досадой это было сказано.

— Я хотел только напугать их. Знал, что они там собрались, разыгрывают семейную идиллию.

— Ну, теперь-то игра в идиллию кончена.

Мальчишка промолчал, но словно расстроился,

и Рэфи сказал:

— Но пятнадцатифунтовая индейка для троих — это немного чересчур, правда же?

— Знаете, этот поддон-папочка жрет дай бог как!

Рэфи решил, что зря теряет время. С него довольно. Он встал, чтобы уйти.

— Папина родня тоже каждый год приходила, — добавил мальчишка в попытке удержать Рэфи.

— Но на этот раз они решили не являться. А нам вдвоем куда такую громадину! — вновь повторил он и покачал головой. Он отбросил притворную браваду и говорил теперь совсем иначе. — Когда же мама наконец приедет?

Рэфи пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, когда ты выучишь свой урок.

— Но сегодня же Рождество!

— В Рождество тоже можно кое-что выучить.

— Уроки — это для малышей.

Рэфи улыбнулся такому замечанию.

— Разве не так? — Мальчишка сплюнул, как бы обороняясь.

— Вот я сегодня получил кое-какой урок и выучил его.

— А-а, об отсталых и переростках я не подумал!

Рэфи направился к двери.

— Так какой же это был урок? — торопливо спросил мальчишка, и по тону его Рэфи понял, что он не хочет оставаться в одиночестве.

Помедлив, Рэфи обернулся, понурый, грустный.

— Неприятный урок, должно быть.

— Скоро убедишься: уроки другими не бывают.

Мальчишка сидел нахохлившись, расстегнутая куртка с капюшоном сползла с плеча, сквозь грязные длинные патлы проглядывали розовые ушки, на щеках — россыпь розовых прыщей, а глаза — синие, ясные. Всего лишь ребенок.

Рэфи вздохнул. Как бы до времени не отправили в отставку за этот рассказ. Он придвинул к себе стул, сел.

— Для записи, — сказал Рэфи, — рассказать это просил *меня ты*.

Начало истории

4. Наблюдатель за обувью

Лу Сафферну вечно надо было находиться в двух местах одновременно. В постели он видел сны. В промежутках между ними он перебирал в памяти события прошедшего дня, в то же время планируя день следующий, поэтому, когда в шесть часов утра раздавался звон будильника, он не чувствовал себя отдохнувшим. Принимая душ, он репетировал речи на презентациях, а иногда, просунув руку из-за банной занавески, отвечал на электронные письма на своем «Блэкбери». Завтракая, он читал газету, а слушая болтовню своей пятилетней дочки, одновременно внимал утренним новостям. Когда его сын, которому был год и месяц, демонстрировал, чему новому он научился, Лу всячески изображал интерес, а сам в это время напряженно размышлял о том, почему не испытывает к этому ни малейшего интереса. Целуя на прощание жену, он думал о другой.

Каждое его действие или свершение, каждый поступок, каждая беседа или мысль имели подкладкой нечто другое. Дорога на работу являлась одновременно совещанием по телефону. Завтраки мешались с обедами, обеды — с коктейлями перед ужином, а ужины — с выпивками после них, те же, в свою очередь... ну, это уж как повезет. А в случаях везенья, где бы он

ни находился в этот вечер, в чьей бы квартире, в каком бы отеле или доме, с кем бы ни делил это счастливое времяпрепровождение, он, разумеется, спешил убедить тех, кто не разделял этого счастья, — а именно жену, — что находится в другом месте. Для них он задерживался на собрании, застревал в аэропорте, доканчивал составление какого-нибудь важного документа или стоял в очередной рождественской пробке — будь они неладны. Волшебным образом в двух местах одновременно.

И все мешалось, наезжало друг на друга, перехлестывало через край. Он постоянно находился в движении, постоянно стремился куда-то в другое место, постоянно желал быть где-то не там, где он есть, или мечтал о некоем спасительном и сверхъестественном вмешательстве в его жизнь, которое позволило бы ему рассредоточиться, находясь сразу там-то и там-то. Людям он уделял как можно меньше времени, давая каждому почувствовать, что с него и этого хватит. Привычки опаздывать у него не было, он был четок и все делал вовремя. На работе он все успевал, но в частной жизни он был как сломанные карманные часы. Он был перфекционистом и тратил уйму энергии, добиваясь успеха. Однако и для него, так страстно желавшего удовлетворять свои растущие аппетиты, существовали пределы, которые мешали карабкаться к новым и новым

головокружительным высотам и не позволяли свободно воспарить над повседневными нуждами. В его графике находилось место тем, кто помог бы ему вырасти иначе, но только в карьерном плане, — а на это годилась любая удачная деловая операция.

В одно особенно холодное утро вторника в беспрестанно строящемся и расширяющемся районе дублинских доков черные кожаные, безукоризненно начищенные штиблеты Лу вторглись в поле зрения некоего индивида. Индивид этот следил за поступательным ходом этих штиблет, как делал накануне и как намеревался делать и на следующий день. Обе ноги владельца штиблет не уступали одна другой в прыткости и сноровке. Все шаги были одинаковыми, движения от пятки к носку — четкими: штиблеты устремлялись вперед, сперва упираясь в землю каблуком, а затем отталкиваясь от нее носком где-то в районе большого пальца и сгибая ногу в щиколотке. Каждый раз с безупречной четкостью. Звук шагов по тротуару — тоже ритмически четок. Ничего похожего на тяжелый топот, какой издают порой другие безголовые фигуры, спешащие в этот час мимо — голова каждого из таких прохожих все еще покоилась на подушке, хотя тело уже и разрезало утренний холод. Нет, эти штиблеты лишь негромко постукивали — звук монотонный, назойливый, как капли дождя, падающие на

крышу теплицы, низ брючин слегка колышется подобно развевающемуся от легкого ветерка флажку у последней, победной, лунки.

Наблюдателя даже ничуть бы не удивило, если б плиты тротуара вдруг осветились огнями рампы, а владелец штиблет пустился бы отбивать чечетку, возвещая начало славного и приятного денька. Потому что этот день для наблюдателя и вправду обещал быть приятным.

Обычно начищенные до блеска штиблеты под безукоризненными черными брючинами, шикарно проплыв мимо наблюдателя, устремлялись во вращающиеся двери, а оттуда в роскошный мраморный вестибюль современного здания из стекла, втиснутого в расщелину домов на набережной и клином врезанного в дублинское небо. Но в это утро штиблеты встали непосредственно напротив наблюдателя и крутанулись на тротуаре, неприятно скрипнув по мерзлому асфальту.

Наблюдателю ничего не оставалось, как вскинуть взгляд, оторвав его от штиблет.

— Вот, пожалуйста, — сказал Лу, протягивая ему стаканчик. — Кофе «Американо», надеюсь, вы не будете возражать, у них там что-то с машиной, и кофе с молоком — недоступно.

— В таком случае возьмите это назад, — высокомерно бросил наблюдатель, отводя от себя руку с дымящимся кофе.

Реакцией на это было изумленное молчание.

— Просто шучу. — Он засмеялся недоумению незнакомца и на случай, если шутка его не будет должным образом оценена и благородный порыв окажется пресеченным, поспешил взять стаканчик и сжать его в онемевших от холода пальцах. — Разве я похож на человека, который без горячего молока жить не может? — ощерился он, и тут же лицо его выразило благоговейный восторг: — Мм-м... — Он приблизил нос к краю стаканчика, вдыхая аромат, и прикрыл веки, наслаждаясь и не желая отвлекаться зрительными впечатлениями от божественности этого наслаждения. Картонный стаканчик был таким горячим, а может, руки его так озябли, что его ожгло, словно огнем, и раскаленные жаркие иглы пронизали его тело дрожью. До этого он не сознавал, как ему холодно.

— От всей души благодарю.

— Не за что. Я слышал, радио сообщало, что сегодня ожидается самый холодный день в году.

Сверкающие блеском штиблеты притопнули на плитах тротуара, а кожаные перчатки, словно в подтверждение этих слов, потерлись одна о другую.

— Надо думать, они правы. Не говоря уже о медяках, которые, как лед. Мороз прямо-таки до яиц пробирает. Так что вот это мне в помощь будет.

Наблюдатель осторожно подул на кофе, готовясь сделать первый глоток.

— Он без сахара, — как бы оправдываясь, сказал Лу.

— А-а, ну тогда... — Наблюдатель сделал большие глаза и быстро отнял ото рта стаканчик, словно там была отравка. — Отсутствие молока я еще могу простить, но забыть добавить сахар, это уж чересчур! — И он протянул Лу стаканчик обратно.

На этот раз, распознав шутку, Лу засмеялся.

— Ладно, ладно, все ясно.

— Нищим выбирать не приходится, как говорится. Верно? А те, кто выбирает, могут и обнищать. Так, что ли?

Наблюдатель поднял бровь, улыбнулся и наконец-то отпил из стаканчика. Полностью поглощенный ощущением тепла и током кофеина по жилам озябшего тела, он не замечал, как из наблюдателя вдруг превратился в наблюдаемого.

— Да — я Гейб! — Он протянул руку. — Гэбриел вообще-то, но все, кто меня знает, зовут меня Гейбом.

Лу пожал ему руку. Теплая перчатка притиснулась к холодной коже.

— Я Лу, но все, кто меня знает, зовут меня «фрукт».

Гейб усмехнулся.

— Что ж, по крайней мере, честно. Вы не против, если я стану звать вас «Лу», пока не узнаю покорооче?

Они обменялись улыбками и затихли во внезапном приступе неловкости. Двое мальчишек на школьном дворе, желающие подружиться. Ноги в сверкающих штиблетах начали переминаясь, делая легкое «топ-а-топ» — не то в желании согреться, не то как выражение нерешительности — уйти или остаться? Штиблеты медленно повернулись носками к зданию рядом. Их владелец вскоре последует в том же направлении.

— Оживленное утро, да? — небрежно бросил Гейб, чем заставил штиблеты опять повернуться в его сторону.

— Рождество не за горами, тут уж всегда толчея и горячка начинаются, — согласился Лу.

— Толчея мне только на руку, — сказал Гейб, провожая взглядом брошенный ему в плоску двадцатицентовик. — Спасибо, — крикнул он вслед даме, подавшей ему милостыню едва ли не на ходу. Исходя из ее жеста, можно было решить, что монетка очутилась в плоске случайно, просто провалившись в дырку подкладки. Гейб взглянул на Лу широко раскрытыми глазами с улыбкой, которая была еще шире.

— Видал? Завтра кофе я угощаю! — хохотнул он.

Лу постарался как можно незаметнее заглянуть

в его плоску. Двадцатицентовик там лежал на дне в полном одиночестве.

— О, не беспокойтесь! Я просто время от времени опорожняю ее, ссыпая монетки, чтоб люди не считали, что я очень уж благоденствую. Знаете, как это бывает.

Лу согласился с ним, в то же время не чувствуя полного согласия.

— Не могу же я допустить, чтобы узнали о моем пентхаусе, что за рекой, — добавил Гейб, указывая подбородком туда, где должен был находиться пентхаус.

Лу обернулся, глядя на Лиффи и на новехонький небоскреб на набережной, о котором говорил Гейб. Зеркальные панели небоскреба делали его как бы зеркалом дублинского центра. Восстановленный корабль викингов, пришвартованный у причала, административные и торговые здания, строительные краны на берегу и хмурое, затянутое облаками небо над ними — все отражалось на его панелях и, как в плазменном кристалле, улавливалось и вновь отбрасывалось назад, в городскую сутолоку. Выстроенный в форме паруса небоскреб вечерами подсвечивался синими огнями и служил постоянной темой разговоров дублинцев, по крайней мере, в первые месяцы своего возникновения. Но сенсации недолговечны.

— Насчет пентхауса я, конечно, загнул, пошутил то есть, — сказал Гейб, по-видимому, несколько обеспокоенный тем, будет ли принято

его щедрое предложение.

— Вам нравится это здание? — спросил Лу, все еще зачарованно глядя на небоскреб.

— Больше всех других, особенно вечерами. Это тоже причина, почему я именно здесь обосновался. А еще потому, что здесь людно. На одном красивом виде деньжатами не разживешься.

— Это мы построили, — сказал Лу, наконец поворачиваясь лицом к собеседнику.

— Серьезно?

Гейб внимательнее оглядел его. Под сорок, нарядный костюм, чисто выбрит, лицо гладкое, как попка у младенца, аккуратно уложенные волосы, тут и там тронутые сединой, как будто в них сыпанули солью из солонки, а вместе с солью в пропорции один к десяти добавили очарования. Лу напоминал героя старых кинолент — умудренный опытом и обходительный, упрятанный, как в футляр, в длинное пальто из черного кашемира.

— Видать, деньжат на этом немало заработала, — рассмеялся Гейб, но в голосе его почувствовался оттенок зависти, и это встревожило его, потому что до того, как он окинул Лу взглядом, ни малейшей зависти он не ощущал. Встреча с Лу продемонстрировала ему две вещи — как можно ни с того ни с сего стать холодным и завистливым, даже если раньше был человеком теплым и вполне довольным своей

жизнью. Сознавая это, он понимал, что, если раньше довольствовался обществом себя самого, то теперь, расставшись с новым своим знакомым, он почувствует одиночество — чувство, вовсе ему не свойственное. Зависть, холод и одиночество — вот что отныне ему предстоит. Все, что надо, чтобы состряпать замечательный, но прогорклый пирог.

Благодаря строительству небоскреба Лу не только заработал денег, но и получил несколько наград, сумел купить дом в Хоуте и надеялся сразу же после Рождества пересесть за руль последней, усовершенствованной модели «порше», о чем, впрочем, не собирался докладывать человеку на промерзшем тротуаре, кутавшемуся в блохастое одеяло. Вместо этого Лу любезно улыбнулся, то есть сверкнул фарфоровыми коронками, как обычно, делая два дела одновременно — говоря одно, думая другое. Но это межеумочное состояние мог легко уловить Гейб, что приносило в их беседу еще большую степень неловкости, одинаково смущая их обоих.

— Ну, мне пора на работу. Работаю я...

— Рядом. Следующая дверь. Знаю. Ботинки мне ваши знакомы. Все больше они у меня перед глазами. — Гейб улыбнулся. — А вот вчера вы их не надели. На вас другие были — матовой кожи, если не ошибаюсь.

Аккуратно подправленные щипчиками брови Лу поползли вверх, образовав легкую складку,

как от брошенного в пруд камешка. От этой складки по его гладкому, еще не знакомому с ботоксом лбу кругами пошла рябь.

— Не беспокойтесь, я не шпионю за вами. — Оторвав одну руку от стаканчика, Гейб поднял ее вверх, словно обороняясь. — Просто я все время здесь, а вы все ходите и ходите мимо, мелькаете перед глазами.

Лу усмехнулся и застенчиво потупился, опустив взгляд на штиблеты, ставшие предметом разговора.

— Невероятно! Никогда не замечал вас здесь, — сказал Лу, как бы размышляя вслух и в то же время воскрешая в памяти один за другим все утра, когда он проходил здесь, спеша на работу.

— Да я здесь каждый день как штык, с утра до вечера, — с наигранной бойкостью заметил Гейб.

— Простите, не обращал внимания. — Лу покачал головой. — Ведь все бегом да бегом, знаете ли, по телефону говоришь или на встречу опаздываешь. Всегда требуется быть разом в двух местах, как говорит моя жена. Иногда просто на частирываешься, впору чтоб тебя клонировали. — Он усмехнулся.

Гейб с любопытством взглянул на него и улыбнулся.

— Кстати, насчет «все бегом да бегом», — ведь это впервые, когда я вижу этих ваших двух спринтеров, — он кивнул, указывая подбородком на ноги Лу, — в состоянии покоя, а не бегущими

опрометью. Я даже не узнал их сперва. Что, порошу сегодня маловато?

Лу рассмеялся.

— Да нет, с порохом у меня, поверьте, все в порядке. — Он дернул плечом, и на секунду рукав его пальто, сдвинувшись, обнажил золотые часы «ролекс» на его запястье — так падает завеса с золотой скульптуры. — Я всегда прихожу на работу первым, так что можно особенно и не спешить. — Он взгляделся в циферблат часов, мысленно уже открывая послеполуденное совещание.

— Но сегодня вы не первый, — сказал Гейб.

— Что? — Совещание оказалось прерванным, и Лу опять очутился на холодной улице перед дверьми офиса, среди толп спешащих на работу, под ветром, резко дующим в лицо.

Гейб прищурился.

— Коричневые мокасины. Я несколько раз видел вас с ним. Сейчас он уже в здании.

— Коричневые мокасины? — Лу засмеялся, но засмеялся смущенно — его удивило и даже озаботило, что кто-то явился в офис раньше него.

— Да вы его знаете. Походка такая особенная, замшевые кисточки на мокасинах подпрыгивают с каждым шагом, эдакий канкан получается, словно он их нарочно вверх так вскидывает. Подошвы мягкие, а ступает тяжело. Нога маленькая, разлапистая, когда идет, ноги выворачивает и подошвы снашивает с наружной

стороны.

Лу нахмурился, напряженно соображая.

— А по субботам обувь у него легкая, словно он только-только с борта яхты сошел.

— Альфред! — засмеялся Лу, наконец поняв, кого ему описывают. — Потому что он и вправду может сходить с борта ях... — Он осекся, тут же переспросив: — Так он уже на месте?

— С полчаса назад прибыл. Протопал, словно спешил очень. А с ним вместе еще черные мягкие ботинки прошли.

— Мягкие ботинки?

— Черные, простые такие мужские туфли. Блестят хорошо, но без всяких там финтифлюшек. Туфли как туфли. Особых примет никаких, если не считать, что отставали они от тех, других.

— Вы очень наблюдательны.

Лу оглядел мужчину, прикидывая, кем тот мог быть в прошлом, пока жизнь не бросила его на холодный тротуар перед офисом, и в то же время напрягая мозг в попытке разгадать, кто были те двое, о которых говорил Гейб. Появление Альфреда на работе в такой ранний час смущало. Их общий коллега Клифф пережил недавно нервный срыв, взволновав их всех, да, взволновав, возможностью новой вакансии. В случае, если Клиффу не станет лучше, на что Лу втайне надеялся, в компании ожидалось перестановки, и необычное поведение Альфреда

вызывало вопросы и недоумения. Строго говоря, поведение Альфреда всегда их вызывало.

Гейб подмигнул.

— Может, наблюдательный человек вам тут не будет лишним, а?

Лу разомкнул свои руки в перчатках.

— К сожалению, будет.

— Ну, не важно. Понадоблюсь, так вы знаете, где меня найти. Я парень в «мартенсах», — засмеялся он и приподнял одеяло, показывая ноги в высоких черных ботинках.

— Не могу понять, чего это они так рано. — Лу взглянул на Гейба, словно тот обладал неким высшим знанием.

— Боюсь, тут я вам помочь не могу. Но на прошлой неделе они обедали вместе. По крайней мере, они вместе вышли из здания в обеденное время и вернулись тоже вместе, когда обеденное время истекло. Ну а уж чем там они занимались в промежутке, можно только догадываться. — Он хохотнул. — Только в такую погоду не до догадок — мозги стынут! — продолжал он.

— Когда был этот их обед, в какой день?

Гейб опять прищурился и закрыл глаза, вспоминая.

— По-моему, в пятницу. Он ваш соперник, этот, что в коричневых мокалинах?

— Да нет, он мой друг. Вернее, приятель. Знакомый, в общем. — Услышанная новость заставила Лу говорить сейчас с некоторым

раздражением. — Он мой коллега, но теперь, в связи с болезнью Клиффа, есть большая вероятность для нас обоих... ну, вы понимаете...

— Подсидеть вашего заболевшего приятеля, — с улыбкой закончил за него фразу Гейб. — Очень мило. А знаете, эти неспешные мягкие ботинки, черные, — продолжал он, — они тут намеренно с работы с парочкой «лубутенов» уходили.

— Лу... Луб... Как вы сказали?

— Туфли такие, их по лакированной красной подошве всегда признать можно. А та пара была еще и на каблуках в сто двадцать миллиметров.

— Миллиметров? — переспросил Лу. — Красная подошва. Понятно. — Он кивнул, переваривая полученную информацию.

— Вы можете выяснить у вашего друга, то есть знакомого, то есть коллеги, с кем это он проводит время, — предложил Гейб, и глаза его блеснули.

На это Лу ответил уклончиво:

— Конечно. Ну, я побегу. Ждут дела, и люди ждут, и все одновременно, вы просто не поверите. — Он подмигнул: — Спасибо вам за помощь, Гейб. — И он опустил в плоскую Гейба банкноту в десять евро.

— Прощай, друг! — расцвел улыбкой Гейб и тут же, схватив банкноту, запихнул ее в карман. И постучал по нему пальцем: — Чтоб не пронюхали, вы понимаете?

— Вы правы, — одобрительно закивал Лу.

Но при этом почувствовал, что вовсе его не одобряет.

5. Тринадцатый этаж

— **Н**аверх?

На этот вопрос, заданный мужчиной, стоявшим на втором этаже и с надеждой вглядывавшимся в заспанные лица людей в битком набитом лифте, ответом было утвердительное бурчание и дружные кивки. Отреагировали все, кроме Лу, который был слишком занят разглядыванием подошв мужчины, перешагивавшего через узкую щель над холодным и темным провалом, отделяющую его от замкнутого пространства лифта. Лу охотился за красными подошвами и мягкими черными ботинками. Альфред приехал рано и обедал в обществе черных башмаков. Черные же башмаки уходили с работы в компании красных подошв. Если ему удастся выследить красные подошвы, он сможет узнать, с кем работает их владелица и с кем тайно встречается Альфред — деталь слишком важная, чтобы просто спросить об этом Альфреда, и дающая достаточно оснований сомневаться в искренности последнего. Обо всем этом он размышлял, в то же время разделяя неловкое молчание, какое порой воцаряется в лифтах, объединяющих незнакомых друг другу людей.

— Какой вам этаж? — раздался придушенный голос человека, совершенно скрытого от глаз и, возможно, притиснутого к стене, но единственного, кто еще имел доступ к кнопкам, а

потому вынужденного взять на себя роль распорядителя.

— Тринадцатый, пожалуйста, — сказал вошедший.

Послышались вздохи, и кто-то неодобрительно зацокал языком.

— Тринадцатого нет, — отвечивал придушенный голос.

Дверцы лифта закрылись, и кабина устремилась вверх.

— Ну, решайтесь же поскорее, — торопил придушенный.

— Хм... я... — Мужчина рылся в портфеле в поисках ежедневника.

— Вам нужен либо двенадцатый, либо четырнадцатый, — высказал предположение придушенный. — А тринадцатого здесь нет.

— Ему, должно быть, на четырнадцатый надо, — пришел на помощь другой мужчина. — Четырнадцатый - это, строго говоря, и есть тринадцатый.

— Так мне четырнадцатый нажимать? — спросил придушенный уже довольно раздраженно.

— Хм... — Мужчина все еще рылся в своих бумажках.

Лу не вникал в эту беседу, необычно взволнованную для мирной обстановки лифта, так как был поглощен созерцанием обуви. Черных ботинок было много — на одних кожа с

выработкой, на других потерта, одни начищены, другие сильно разношены, на некоторых шнурки развязались, а вот красных подошв — не видно. Он заметил, что ноги вокруг стали слегка поджиматься и переминаясь. Одна пара ботинок слегка отодвинулась от него. Голова его дернулась, потому что лифт, зажужжав, встал.

— Наверх? — спросила девушка.

На этот раз утвердительный хор мужских голосов отозвался более любезно.

Войдя, девушка встала напротив Лу, и он принялся изучать ее туфли, тогда как прочие мужчины в лифте занялись изучением различных частей ее фигуры в безмолвии, столь знакомом женщинам, едущим в лифте, битком набитом мужчинами.

Наконец человек, обутый в коричневые грубые башмаки, так ничего и не найдя, вынырнул из своего портфеля и, удрученный сознанием своего поражения, объявил: — Проектная компания Патерсона!

Лу размышлял над нелепостью ситуации. Не помечать на лифтовой панели тринадцатый этаж было его предложением, хотя, разумеется, этаж этот существовал. Никакого провала и никакой *пустоты* перед четырнадцатым этажом не было — не на призрачных же кирпичах он крепился, витая в воздухе! Четырнадцатый на самом деле и был тринадцатым этажом, и его контора там и помещалась. Понять, почему это всех ставило в

тупик, он не мог — ему самому это казалось ясным как день. Он вышел на четырнадцатом этаже, и ноги его тут же погрузились в упругий плюш ковра.

— Доброе утро, мистер Сафферн, — приветствовала его, не отрываясь от бумаг, секретарша.

Задержавшись возле ее стола, он поглядел на нее с недоумением: — Пожалуйста, Элисон, называй меня «Лу», как ты всегда делаешь.

— Конечно, мистер Сафферн, — высокомерно бросила она, избегая его взгляда.

Когда Элисон, встав из-за стола, прошла куда-то в угол комнаты, Лу постарался разглядеть ее подошвы. Он все еще стоял возле ее стола, когда она вернулась и, по-прежнему не глядя на него, уселась печатать. Как можно небрежнее Лу нагнулся, словно поправляя шнурки на ботинках, а сам при этом вглядываясь в проем под столом.

Она нахмурилась, скрестила длинные ноги.

— Что-нибудь не так, мистер Сафферн?

— Зови меня Лу, — повторил он, все еще озадаченный.

— Нет, — бросила она довольно капризно и глядя в сторону. И схватила со стола ежедневник. — Может, повторим, что на сегодня назначено?

Встав, она обошла стол.

Узкая шелковая блузка, узкая юбка. Его взгляд, окинув ее всю, переместился вниз, к ее туфлям.

— Какой они высоты?

— Вы о чем?

— Не сто двадцать миллиметров случайно?

— Понятия не имею! Да и кто меряет каблук миллиметрами?

— Ну, не знаю. Некоторые меряют. *Гейб*, например. — Улыбаясь, он проследовал за ней в офис, все пытаясь разглядеть ее подошвы.

— Какой еще, бог мой, *Гейб*?!

— Один бродяга. — Он засмеялся.

Недоуменно обернувшись к нему, она вдруг заметила, с каким напряженным вниманием он ее изучает.

— Вы разглядываете меня, будто картину на стене, — ехидно бросила она.

Современный импрессионизм никогда его не увлекал. Порой он ловил себя на том, что замедляет шаг в коридоре возле того или иного из этих полотен, очередной бессмысленной мазни, предназначенной для украшения стен в офисе. Линии и цветовые пятна, которые кому-то, наверное, что-то говорили, легко можно было бы поменять местами, сделав верх низом и наоборот, — ничего бы не нарушилось, а ведь сколько денег на них угрохано!

Он разглядывал их, вертя головой туда-сюда, наклоняя ее то к одному, то к другому плечу, как делал это и сейчас, после разговора с *Элисон*, и ему все виделась за ними какая-то детсадовская учительница рисования, набивающая себе

карман денежками, в то время как перемазанные красками четырехлетние несмысленыши, высунув язык, пыхтят от старания, а в итоге получают за свои труды разве что мягкую игрушку.

— У тебя красные подошвы? — спросил он у Элисон, подходя к своему креслу — кожаному и такому огромному, что в нем уместилась бы семья из четырех человек.

— А что, я вляпалась во что-то? — Приподняв одну ногу и балансируя на другой, она принялась проверять свои подошвы. Как собака, которая ловит свой хвост, подумал Лу.

— Не важно. — Он устало опустил в кресло.

С подозрением поглядывая на него, она занялась расписанием на день.

— В восемь тридцать вам предстоит телефонная беседа с Энгусом Салливаном о необходимости свободно изъясняться по-ирландски для покупки земельного участка в Коннемаре. Для вашего удобства я позаботилась о переводчике. — Она ухмыльнулась и, мотнув головой, как норовистая лошадь, откинула с лица пряди осветленных волос. — В восемь сорок пять — встреча с Бэрри Бреннаном. Речь пойдет о находках в Корке.

— Дай бог, чтоб они не представляли исторической ценности.

— Трудно сказать, сэр, может, это касается ваших предков; у вас же в Корке имеются

родственники, не так ли? В девять тридцать...

— Погоди-ка. — Зная, что в комнате, кроме них, никого нет, Лу все же огляделся, надеясь на чью-то помощь. — Почему ты вдруг стала называть меня «сэр»? Какая муха сегодня тебя укусила?

Она отвела взгляд, пробормотав что-то вроде «может, кто и укусил, но явно не ты».

— Что ты сказала? — Но дожидаться ответа он не стал. — Знаешь, у меня сегодня дел невпроворот, так что будь любезна, избавь меня от своего сарказма. И с каких это пор мы начинаем день с того, что просматриваем расписание?

— Я подумала, что если зачитать вам вслух, какой насыщенный день вам предстоит, то, может быть, впредь вы разрешите мне по моему усмотрению избавлять вас от некоторых не столь уж важных дел.

— Ты бы хотела поменьше работать, Элисон? В этом все дело?

— Нет, — вспыхнула она. — Вовсе нет. Просто мне казалось, что вам стоит несколько изменить ваши рабочие привычки. Вместо того чтобы крутиться как белка в колесе, хватаясь то за одно, то за другое, вам следовало бы заниматься меньшим числом клиентов, но уделять побольше времени каждому. И клиенты были бы довольны.

— Ага, и мы с Джерри Магуайром жили бы поживали и горя бы не знали. Ты, Элисон, в

нашей компании еще новичок, и на первый раз я тебя прощаю, но впредь имей в виду, что таков мой метод работы, ясно? Я люблю дело делать! Мне не нужны двухчасовые обеденные перерывы или время для того, чтобы, примостившись на кухне, проверять, как дети выучили уроки. — Он прищурился. — Ты, кажется, сказала «и клиенты были бы довольны»? Разве кто-то жалуется?

— Ваша мать. Ваша жена, — сказала Элисон сквозь стиснутые зубы. — Ваша сестра. Ваша дочь.

— Моей дочери пять лет.

— И тем не менее она звонила вам, когда в прошлый вторник вы забыли забрать ее с урока народных танцев.

— Это не считается! — Он закатил глаза. — Ведь моя пятилетняя дочь не принесет компании миллионных убытков. — И опять он не стал ждать ответа. — А от людей, не носящих со мною одну фамилию, жалобы поступали?

Элисон напряженно думала, вспоминая, потом сказала:

— Что, ваша сестра после развода сменила фамилию?

Он лишь бросил на нее хмурый взгляд.

— Тогда нет, сэр.

— Что еще за напасть с этим «сэр»!

— Я просто подумала, — она покраснела, — что если вы решили относиться ко мне как к посторонней, то и я буду поступать так же.

— Я отношусь к тебе как к посторонней? В чем это выражается?

Она отвела взгляд.

А он понизил голос:

— Мы же находимся в офисе, Элисон. Чего же ты хочешь? Чтобы я прерывал деловые разговоры уверениями, как приятно тебя тискать?

— И ничего такого мы не делали. Мы просто целовались.

— Роли не играет. Так какие жалобы ты имеешь в виду?

Она молчала, но щеки ее пылали.

— Ну, наверное, то, о чем говорил мне Альфред.

Сердце Лу вдруг повело себя необычно. Оно как-то странно затрепетало.

— Что же он говорил?

Она мусолила край бумажного листа, по-прежнему глядя в сторону.

— Насчет какого-то совещания на прошлой неделе, которое вы пропустили.

— Вот про «какое-то совещание» поподробнее, пожалуйста.

Она ощетибилась.

— Ладно. После совещания на той неделе у мистера Салливана он... — как и перед словом «Альфред», она запнулась, — он предложил, чтобы я попробовала немножко вами руководить. Ему известно, что работа эта для меня внове, и он посоветовал мне следить, чтобы

впредь вы столь важных совещаний не пропускали.

Кровь бросилась в голову Лу, мысли мчались, обгоняя друг друга. Никогда еще не испытывал он подобного замешательства. Вся его жизнь состояла из беготни — он бросал одно дело, чтобы поспеть к следующему. И так все время, все дни кряду — в вечной погоне за чем-то, чтобы двигаться вперед. Такая нескончаемо трудная, такая утомительная работа. Но работу свою он любил, считал себя настоящим профессионалом, всецело преданным делу во всех его аспектах. Упрек в том, что он пропустил не запланированное заранее совещание в тот день, когда взял отгул, взбесил его. Особенно обидно было то, что произошло это из-за семейных обстоятельств. Если бы он пожертвовал этим совещанием ради какого-то другого, было бы не так досадно. Но он разозлился на мать. Ведь это ее в то утро он забирал из больницы после операции на бедренном суставе. Он злился и на жену, уговорившую его сделать это самому, вместо того чтобы послать за ней машину, как предлагал он, — предложение это жену только рассердило. Он злился и на сестру свою Марсию, и на старшего брата Квентина за то, что они не сделали этого без него. Ведь он же занятой человек, и вот, пожалуйста: единственный раз, когда он семейное дело поставил во главу угла, он за это

поплатился. Он встал и начал ходить взад-вперед перед окном, больно кусая губу и чувствуя такую злобу, что впору было схватить телефонную трубку и крикнуть в нее домашним: «Видите? Теперь видите, почему меня вечно нет дома? Видите? А теперь глядите, что вы наделали!»

— Ты что, не сказала ему, что мне надо было мать забирать из больницы? — тихо и словно через силу проговорил он. Ему было крайне неприятно произносить слова, которые он так презирал в устах коллег. Он ненавидел такие оправдания, ненавидел, когда частную жизнь тащили в офис. Ему это казалось признаком непрофессионализма. Уж если ты работаешь, так работай.

— Нет, не сказала, потому что это была моя первая рабочая неделя, а разговор этот был в присутствии мистера Патерсона, и я не знала, как вам будет лучше — говорить или нет.

— С ним был мистер Патерсон? — спросил Лу, и глаза его чуть не выскочили из орбит.

Широко раскрыв глаза, она часто закивала, точно игрушечный зверек с головой на пружинке.

— Так-так.

Сердце его перестало трепыхаться, теперь он начинал понимать что к чему. Его драгоценный Альфред принялся за свои штучки. Причем за такие, на которые, как прежде думал Лу, он не был способен. Альфред ничего не делал так, как

положено. Он на все глядел не так, как прочие, словно бы под другим углом, и всегда пытался измыслить какой-нибудь новый, лучший выход из того или иного затруднительного положения.

Лу окинул взглядом свой стол.

— Где моя почта?

— На двенадцатом этаже. Курьер-стажер запутался, потому что тринадцатый этаж отсутствует.

— Он не отсутствует! Мы сидим на тринадцатом этаже! Да что это сегодня со всеми происходит?

— Сидим мы на четырнадцатом, а то, что тринадцатый этаж у нас отсутствует, — серьезное упущение проектировщиков.

— Никакое это не упущение, — попытался защищаться Лу. — Некоторые из известнейших сооружений не имеют тринадцатого этажа.

— И крыши.

— Что?

— У Колизея же нет крыши.

— Что?! — опять рассердился он. — Посоветуй этому курьеру-стажеру отныне взбираться пешком по лестнице и считать этажи. Тогда он не будет путаться в нумерации. А вообще, почему бы курьерам, разнося почту, не передавать ее из рук в руки?

— Гарри говорит, что у них нехватка кадров.

— Нехватка кадров? Но для того, чтобы подняться на лифте и передать мне эту

треклятую почту, нужен всего один человек! При чем тут нехватка кадров! — Его голос взлетел вверх, поднявшись до визга. — Такую работу кто угодно может делать! Даже обезьяна! Стоит только свистнуть — на улице полно людей, которые почтут за счастье работать в таком месте, как...

— Как что? — спросила Элисон, но обращаясь только к затылку Лу, потому что Лу, уже отвернувшись, глядел теперь в огромное, от пола до потолка, окно на тротуар внизу. В зеркальной панели отражалось его лицо, и ей хорошо было видно его странное выражение.

Она тихонько отступила, ретируясь и впервые за несколько недель ощутив облегчение при мысли, что их флирт, заключавшийся в нескольких объятиях в потемках, не зашел слишком далеко. Потому что не исключено, что она судила об этом человеке неверно, не сумев разглядеть, что с ним что-то не так. Как новый работник в компании, она и возможности не имела узнать его получше. Она только знала о нем, что он напоминал Белого Кролика из «Алисы в стране чудес» — вечно спешил и опаздывал, но все-таки поспевал всюду вовремя. Он был добродушен и любезен и хорошо делал свое дело. А кроме того, он был красив и обаятелен и ездил на «порше», а такие достоинства в ее глазах были ценнее прочих. Конечно, разговаривая с женой Лу по телефону

на прошлой неделе, она чувствовала себя немного виноватой из-за той истории с поцелуями, но чувство вины быстро испарилось, чему способствовала абсолютная, как показалось Элисон, невинность этой женщины и ее полное неведение относительно измен мужа. А потом, у всех есть свои слабости, и слабости такого рода мужчинам следует прощать, в особенности если предметом этой слабости является сама Элисон.

— А какие ботинки носит Альфред? — вдруг спросил Лу, когда она уже закрывала за собой дверь.

Она вернулась в кабинет.

— Какой Альфред?

— Беркли.

— Не знаю. — Она покраснела. — Зачем вам это?

— Хочу сделать ему подарок на Рождество.

— Ботинки? Вы хотите подарить Альфреду ботинки? Но я уже заказала в «Черном Томасе» корзинки с гастрономией для всех, как вы и просили.

— Выведай все-таки это для меня. Не в открытую, конечно. Спроси как бы между прочим. Я хочу сделать ему сюрприз.

Она недоверчиво прищурилась:

— Конечно.

— Да, и еще, эта новенькая из бухгалтерии, как ее? Сандра? Сара?

— Дейдре.

— Проверь и ее обувь тоже. Если подошвы у нее красные, сообщи мне.

— Не красные. Ее ботильоны в «Топе» куплены. Черная тисненая замша. Я такие в прошлом году носила, когда это было модно.

И с этими словами она вышла.

Вздыхнув, Лу тяжело опустился в свое великанское кресло и сжал пальцами переносицу в надежде остановить начинавшуюся мигрень. Похоже, с ним что-то неладно. Он и так уже убил пятнадцать минут своего рабочего утра беседуя с бродягой, что было ему совершенно несвойственно. Но удержаться он не мог — так непреодолимо было желание остановиться возле этого человека и предложить ему кофе.

Заняться текущими делами не получалось, и Лу опять отвернулся к окну и стал смотреть наружу. Внизу сияли праздничным убранством набережные и мосты, над рекой от берега до берега протянулись гирлянды гигантских неоновых колокольчиков и листьев остролиста. Лиффи катила свои полные воды мимо его окна и дальше, к Дублинской бухте. А по тротуарам, в такт течению реки и в том же направлении текли людские потоки. Толпа запруживала улицы, словно влекомая, как электрической тягой, скульптурными фигурами двух изможденных людей, — монумент этот был поставлен в память о голоде, свирепствовавшем здесь когда-то, голоде, побудившем многих отправиться отсюда

в эмиграцию. Но вместо скудных пожитков в руках современных ирландцев были пакеты из кафе «Старбакс» и портфели. Женщины шли на работу в кроссовках, сунув туфли-лодочки в сумку. Совершенно другая судьба и неисчислимые возможности открывались перед ними.

Единственно неподвижным среди всей этой толпы оставался Гейб, втиснутый, как в щель, в закоулок перед входом, закутанный, как в кокон, в свое одеяло и пристально рассматривающий обувь, что проплывала мимо него к возможностям, ему недоступным. Хотя с высоты тринадцатого этажа Гейб казался Лу чуть больше точки, он все же мог различить, как поднимается и опускается рука бродяги, прихлебывающего кофе — мерно, неспешно, со вкусом, — притом что кофе наверняка был уже холодным как лед. Гейб возбуждал его любопытство. В не малой степени тем, что тот так хорошо помнил обувь сотрудников, с математической точностью отмечая каждую пару; но что вызывало еще и его тревогу, так это то, что синеглазый, с ясным взглядом бродяга казался Лу удивительно знакомым. Можно даже сказать, что в Гейбе Лу усматривал черты сходства с собой. Оба они были примерно одного возраста, и стоило только привести Гейба в порядок, и его легко можно было бы спутать с Лу — представительный, приятный, энергичный мужчина. С тем же

успехом Лу тоже мог бы сидеть на тротуаре, наблюдая проплывающую мимо жизнь. А между тем, как по-разному сложились их судьбы.

В эту секунду, словно почувствовав на себе взгляд Лу, Гейб поднял голову и поглядел вверх. Вознесенному на высоту тринадцати этажей Лу почудилось, будто Гейб заглянул ему прямо в душу, прожег его насквозь своими проницательными глазами.

Это смутило Лу. Участвуя в сооружении этого здания, он не мог не знать с абсолютной точностью, что панели фасада здесь зеркальные. Глядя вверх, Гейб никоим образом не мог видеть Лу, как бы он ни задира голову и ни прикрывал глаза от света, поднимая руку, точно в приветствии. Наверное, он разглядывал какое-то отражение в стекле, возможно, птицу, думал Лу, да, должно быть, это птица привлекла его внимание. Ничем другим это быть не может. Но взгляд Гейба был столь пристален, столь четко устремлял он его на тринадцатый этаж и через окошко прямо в глубину глаз Лу, что это заставило Лу поколебаться в своей уверенности. Он тоже поднял руку и, сухо улыбнувшись, помахал Гейбу. И, не дожидаясь ответного знака, повернулся в кресле спиной к окну. Сердце колотилось так, словно Лу застали за чем-то непристойным.

Зазвонил телефон. Это была Элисон, и голос ее звучал невесело.

— Прежде чем я доложу вам то, что должна

доложить, хочу сообщить, что я теперь дипломированный специалист в области делопроизводства и управления.

— Поздравляю.

Она кашлянула.

— Ну а теперь вот что. Альфред носит коричневые мокасины восьмого размера. Похоже, что таких мокасинов у него пар десять, так что не думаю, что подарить ему на Рождество еще одну пару — мысль удачная. Фирма - изготовитель мокасинов мне неизвестна, но с прискорбием признаюсь, что выяснить это для вашего удовольствия мне ничего не стоит. — Она перевела дух. — Что же касается туфель с красными подошвами, то Луиза купила такие и всю прошлую неделю их проносила, но они натерли ей ногу, и она отнесла их обратно, однако в магазине их не приняли — было заметно, что они ношены, на красных подошвах виднелись потертости.

— Кто такая Луиза?

— Секретарь мистера Патерсона.

— Мне надо, чтобы ты выяснила у нее, с кем она выходила из здания каждый день на прошлой неделе.

— Это не входит в мои обязанности.

— За это можешь уйти с работы пораньше.

— Так и быть.

— Спасибо, что поддалась уговорам.

— Да пожалуйста — хоть будет время

рождественскими подарками заняться.

— Не забудь и о моих поручениях.

Таким образом, хоть узнал Лу и немного, но в сердце его поселилось чувство, которое кое-кто другой мог бы принять за панику. При этом наблюдения Гейба подтвердились, и значит, это не бред сумасшедшего, как втайне подозревал Лу. Ранее в разговоре Гейб спросил Лу, не нужен ли ему в офисе наблюдательный человек, и сейчас, внезапно приняв решение, Лу взялся за телефонную трубку.

— Соедини-ка меня с Гарри из экспедиции и достань в шкафу какую-нибудь из моих запасных рубашек, галстук, брюки и отнеси их парню, что сидит возле дверей. Проводи его сперва в мужской туалет — пусть помоеется и почистится, — после чего отведешь его в экспедицию. Зовут его Гейб, и Гарри будет его ждать. Я хочу выправить положение с нехваткой у него кадров.

— Что?

— Гейб. Это уменьшительное от «Гэбриел». Но обращайся к нему «Гейб».

— Нет, я в том смысле, что.

— Сделай, как я сказал. Да, и еще, Элисон.

— Что?

— Мне очень понравилось, как мы целовались на прошлой неделе. И я намерен в ближайшем будущем продолжить это и развить.

Он услышал вырвавшийся у нее смешок, после чего в трубке все стихло.

Ну вот, опять. Говоря ей чистую правду, он не мог отделаться от чувства, что лжет — удивительно нагло и бесстыдно. Как и помогая ближнему — Гейбу, — он, Лу, чувствовал, что помогает и себе самому, ведь хорошие дела душеспасительны. Но помимо этого он догадывался, что за всей этой душеспасительной интригой замышляется интрига иного рода, таится зародыш иного спасения. Спасения собственной шкуры. А еще глубже, в самой сердцевине всех этих хитросплетений было ясное понимание того, что его жест продиктован страхом. Не страхом, что прямо сейчас, измени ему благоразумие или удача, он, Лу, может легко оказаться в положении Гейба, а подспудное подозрение, почти неуловимое и уж, конечно, незримое, что в сложной инженерной конструкции своей карьеры Лу допустил какой-то просчет. Он гнал от себя подозрения, но они не отступали. Страх не улетучивался, он был неотвязным, он присутствовал всегда, хоть и оставался скрытым от посторонних глаз.

Совсем как тринадцатый этаж.

6. Решено и подписано

Когда встреча с мистером Бреннаном относительно находок на строительстве в графстве Корк — находок, слава богу, не представляющих исторической ценности, но все-таки вызывающих сомнение, — близилась к концу, в дверях его кабинета возникла Элисон, взволнованная и с ворохом одежды для Гейба в вытянутых руках.

— Простите, Барри, — воскликнул Лу, — мы закругляемся! Мне надо бежать. Меня ждут в двух местах одновременно, а вы сами знаете, какие сейчас пробки.

Блеснули фарфоровые коронки, и после — теплое рукопожатие. Мистер Бреннан опомнился уже в лифте, направлявшемся вниз: зимнее пальто висело у него на руке, портфель, набитый бумагами, был зажат под мышкой. И в то же время впечатление от встречи осталось самое благоприятное.

— Он что, отказался? — спросил Лу у Элисон.

— Кто?

— Гейб. Не хочет поступать на службу?

— Там никого не было. — Вид у нее был смущенный. — Я стояла у конторки ресепшн и называла его имя — так неловко все это было, — но никто не отозвался. Это новый розыгрыш, да, Лу? Не думала я, что после того, как вы заставили меня изобразить цветочницу в кабинете у Альфреда, я куплюсь на нечто подобное.

— Никакой это не розыгрыш. — Взяв ее за руку, он подтащил ее к окну.

— Но никакого мужчины там нет, — сердито сказала она.

Он посмотрел в окно: Гейб был на прежнем месте, сидел на земле. Начавшийся дождик покрывал стекло каплями, вскоре превратившимися в градины, бившие в окно с легким стуком. Гейб передвинулся поближе к дверям и поджал коленки к груди, спасаясь от сырости. Капюшон свитера он надел на голову, покрепче затянув завязки, и эти завязки, преодолев тринадцать этажей, казалось, врезались Лу в самое сердце.

— Так есть там мужчина или нет? — спросил он, тыча пальцем в окно.

Элисон напрягла зрение, прищурилась, уперев нос в стекло.

— Да, есть, но.

Он выхватил у нее из рук одежду.

— Я сам все сделаю, — бросил он.

Как только Лу ступил за вращающуюся дверь вестибюля, в лицо ему ударил ледяной ветер, от которого перехватило дыхание. Капли дождя, как льдинки, кололи кожу. Гейб сосредоточенно разглядывал проплывавшую мимо обувь, явно пытаясь не обращать внимания на разгул стихий. Мыслями он был далеко, где угодно, только не здесь. На пляже, где было так тепло, где песок

был мягким, как бархат, а воды Лиффи, катившиеся перед ним, — безбрежными, как море. И в этом воображаемом мире он чувствовал себя почти счастливым, что казалось невероятным в его положении.

Однако на лице его это не отразилось. Теплое выражение удовольствия, которым оно лучилось утром, теперь исчезло. Глаза глядели холодно и уже не были похожи на теплые синие озера, как раньше, они бесстрастно следили за тем, как штиблеты Лу преодолевают путь от вращающихся дверей до края Гейбова одеяла.

Глядя на эти штиблеты, Гейб воображал, что он валяется на пляже и ждет, когда ему принесут заказанный коктейль, а штиблеты — это обувь официанта, который приближался, держа в шатком равновесии поднос с коктейлем. Официант широко растопыривал руки, что делало их похожими на рожки люстры. Гейб давно уже сделал заказ, но милостиво прощал официанту эту легкую заминку. Густой влажный воздух располагает к медлительности и лени, и песок вокруг усеян распростертыми телами, лоснящимися и источающими запах кокосового масла. Нерасторопность официанта можно объяснить и трудностью лавирования между телами. Ноги приближались, шлепая по песку, и с каждым шагом в воздух взлетали песчинки. Но, достигая его, песчинки превращались в капли дождя, а шлепанцы официанта вдруг

превратились в знакомые сверкающие штиблеты. Гейб поднял глаза в надежде увидеть многоцветную радугу коктейля с фруктами и воткнутым в стакан бумажным зонтиком. Но вместо этого перед ним предстал Лу с ворохом одежды в руках, и Гейбу стоило некоторого труда вновь приспособиться к холоду и гулу машин, и к толчее, сменившей картину тропического рая.

Лу тоже выглядел теперь не так, как утром. Его волосы уже не блестели, как у Кэри Гранта, а прическа потеряла изысканную аккуратность, на плечи его, словно перхоть, падали белые ледяные шарики и, уютно забившись в швы, таяли далеко не сразу, а растаяв, оставляли на материи темные пятнышки влаги. Непривычный ему ветер, изменив его обычно расслабленную походку, заставил его горбиться и поднимать плечи в попытке укрыть уши от холода. Без своего кашемирового пальто он дрожал всем телом и был похож на остриженную овцу — голую, на тонких мосластых ножках.

— Работу хотите? — доверительно спросил Лу, но вышло это у него слишком тихо и робко — ветер заглушил его голос, унеся вопрос мимо Гейба и дальше, вдоль по улице.

Гейб только улыбнулся.

— Вы так думаете?

Смущенный его реакцией, Лу кивнул. Объятий и поцелуев он не ожидал, но его вопроса словно ждали. И это ему не понравилось.

Уместнее было бы в ответ запеть от восторга, пуститься в пляс, разохаться, разохаться, рассыпаться в благодарностях и уверениях в вечной признательности. Но ничего такого не последовало. В ответ он получил лишь снисходительную улыбку и, после того как Гейб выпростался наконец из одеяла и поднялся в полный рост, еще лишь твердое, благодарное и, несмотря на холод, очень теплое рукопожатие. Без дальнейших слов и обсуждений все было решено и подписано, сделка состоялась, хоть Лу и не мог припомнить, чтоб вел переговоры.

Когда они оба, одинакового роста, одинаково синеглазые, стояли друг против друга и смотрели друг другу в глаза, и взгляд Гейба из-под капюшона, по-монашески низко нахлобученного на лоб, буквально сверлил Лу, тот, моргнув, даже отвел взгляд. В тот самый момент в его душу закралось сомнение — ведь теперь благородный замысел стал реальностью. Сомнение вторглось непрошеным, как своенравный гость, чей визит не был оговорен заранее, и Лу смутился, не зная, как поступить, куда деть свое сомнение — оставить его при себе или прогнать. У него была масса вопросов к Гейбу, возможно, необходимых, но в голову в этот момент почему-то пришел только один.

— Могу я вам доверять, Гейб? — спросил Лу.

Он хотел обрести уверенность, хотел расслабиться и успокоиться, но вовсе не

рассчитывал на такой ответ, какой услышал.

Гейб и глазом не моргнул.

— Во всем, вплоть до собственной жизни.

Президентские апартаменты джентльмену и человеку слова!

7. По зрелом размышлении

Покинув холодную улицу, Гейб и Лу ступили в тепло мраморного вестибюля. Стены, полы и гранитные колонны были украшены завитушками кремового и карамельного цветов, а также цвета шоколада «Кэдбери», и Гейбу хотелось их лизнуть. Он понимал, что замерз, но не знал до какой степени, пока не очутился в этом тепле. А Лу чувствовал на себе взгляды — все глядели, как он ведет мимо ресепшн и дальше, в мужской туалет на первом этаже, этого странного оборванца. Сам не зная почему, Лу счел необходимым проверить все туалетные кабинки и лишь потом сказал:

— Вот, это вам. — И он сунул в руки Гейба ворох одежды, которая теперь была чуть влажная на ощупь. — Возьмите и оставьте себе.

И он повернулся к зеркалу, чтобы причесаться, привести волосы в прежнее безукоризненное состояние, смахнуть с плеч ледяные крупинки, вытереть дождевые капли — словом, вернуться к норме, как внешне, так и внутренне, в то время как Гейб стал медленно разбирать вещи: серые брюки от Гуччи, белая рубашка, полосатый серо-белый галстук. Он ощупывал их осторожно, словно боясь, что от малейшего прикосновения все это может рассыпаться в прах.

Пока Гейб, сбросив одеяло в раковину и удалившись в кабинку, переодевался, Лу

расхаживал взад-вперед вдоль ряда писсуаров, отвечая на телефонные звонки и мейлы. Он был так поглощен работой, что, когда, подняв взгляд от аппарата, увидел перед собой мужскую фигуру, он не узнал в ней Гейба и снова уткнулся в телефон. Но тут же вновь поднял голову, внезапно осознав, что это Гейб.

Единственной деталью, по которой еще можно было догадаться, что это на самом деле Гейб, были грубые «мартенсы», выглядывавшие из-под брюк Гуччи. Одежда оказалась Гейбу совершенно впору, и, стоя перед зеркалом, он глядел на свое отражение, словно оторопев. Вязаная шапочка теперь не скрывала его густых черных волос, совсем таких, как у Лу, только сильно спутанных. Застывшее тело отогрелось, губы налились краской, а прежде синеватые озябшие щеки порозовели.

Лу не знал, что и сказать, но после паузы, слишком продолжительной, чтобы казаться приличной, он с места в карьер приступил к делу.

— Помните, вы поделились со мной той историей насчет ботинок?

Гейб кивнул.

— Правильно сделали. Я не против, если вы и впредь станете замечать такого рода вещи. И держать меня в курсе того, что заметили.

Гейб кивнул.

— У вас есть где жить?

— Да. — И он опять покосился в зеркало. Голос

его звучал спокойно.

— Значит, вы сможете дать Гарри свой адрес? Гарри — это ваш начальник.

— Разве не вы будете моим начальником?

— Нет. — Лу вытащил из кармана свой «Блэкбери» и стал просматривать какие-то ненужные послания. — Нет. Вы будете работать в другом. отделе.

— Да, конечно. — Гейб напрягся. Казалось, его смутило, что он посмел подумать иначе. — Правильно. Здорово. Большое спасибо, Лу, очень вам благодарен.

Лу смущенно отмахнулся от благодарностей и, глядя в сторону, произнес: «Вот» - и протянул Гейбу свою расческу.

— Спасибо.

Гейб взял расческу, сунул ее под кран и стал расчесывать свои спутанные волосы. Лу, поторопив его, вывел из туалета и через мраморный вестибюль проводил к лифтам.

Гейб хотел вернуть ему расческу, но Лу, покачав головой, замахал руками, в то же время оглядывая ожидающих лифта: не видел ли кто из них эту сцену.

— Оставьте ее себе. У вас есть трудовая книжка, социальная карточка и всякое такое? — быстро проговорил он.

Гейб с озабоченным видом покачал головой. Он теребил галстук, глядя пальцами шелк, словно то был зверек, который мог убежать от него.

— Ничего страшного. Мы все это уладим. Ну а теперь. — Лу сделал несколько шагов в сторону: у него зазвонил телефон. — Мне надо бежать. Мне надо еще в два места прямо сейчас.

— Конечно. И еще раз большое спасибо. Так куда мне теперь.

Но Лу был уже далеко. Он мерил шагами вестибюль, и движения его в этом вечном полутанце всех говорящих на ходу по мобильнику, были нервны. Левая рука его звенела монетками в кармане, а правую он прижимал к уху:

— Да, уже бегу, Майкл! — Он щелкнул крышкой мобильного и неодобрительно фыркнул при виде толпы возле лифтов, которая стала еще больше. — С этим и впрямь надо что-то делать, — вслух проговорил он.

Гейб глядел на него со странным выражением.

— Что такое?

— Куда мне теперь идти? — спросил наконец Гейб.

— О, простите, вам надо спуститься еще на один этаж, в экспедицию.

— О. — Поначалу он казался ошарашенным, но тут же лицо его вновь приняло довольное выражение. — Ладно. Чудесно. Спасибо, — закивал он.

— Приходилось работать в экспедиции? Наверняка это. хм. хорошая работа, как я думаю. — Лу понимал, что, предложив Гейбу место, он

совершил благородный поступок, что в предложенной работе действительно ничего плохого нет, но в глубине души он чувствовал, что стоящий перед ним молодой человек не только способен, но и рассчитывает на большее. Никаких разумных оснований для этого странного чувства у Лу не было, потому что Гейб оставался таким же мягким, любезным и благодарным, как в первые минуты их знакомства, но что-то в его поведении. одним словом, *что-то* все-таки заставляло это подозревать.

— Не хотели бы вместе пообедать? — с надеждой спросил Гейб.

— Исключено, — ответил Лу под трезвон мобильного, опять раздавшийся из его кармана. — У меня сегодня ужасный день. Я... — Он не закончил, потому что дверцы подошедшего лифта открылись и ожидающие потянулись в кабину.

Гейб тоже вслед за Лу сделал движение к лифту.

— Лифт идет наверх.

Эти сказанные негромко слова, словно барьер, преградили Гейбу вход в кабину.

— А-а, ну хорошо.

Гейб попятился и, прежде чем дверцы лифта закрылись, впустив последних торопливо бегущих к нему пассажиров, спросил:

— Почему вы это для меня делаете?

С трудом сглотнув комок в горле и сунув руки поглубже в карманы, Лу ответил:

— Считайте это подарком.

И дверцы закрылись.

Поднявшись наконец на свой четырнадцатый этаж, Лу был несказанно удивлен, увидев там Гейба, толкавшего тележку с почтой и развозившего по кабинетам пакеты и конверты.

Совершенно пораженный, он, открыв рот, смотрел на Гейба, и пытался прикинуть, каким образом тот успел здесь очутиться.

Гейб растерянно озирался по сторонам.

— Это ведь тринадцатый, не так ли?

— Нет, это четырнадцатый этаж, — торопливо, заученно, почти машинально ответил Лу и тут же добавил: — Но все правильно, вам сюда, просто это. — Он пощупал себе лоб. Горячий. Хорошо бы не заболеть после этой прогулки под дождем без пальто. — Вы так быстро сюда поднялись, что я просто. Ну, не важно. — Он покачал головой. — Вот лифты проклятые, — пробормотал он себе под нос, шагая к своей двери.

Элисон, вскочив, преградила ему дорогу.

— Марсия на проводе! — воскликнула она. — Опять!

Гейб вез свою тележку по плюшевому коридору к другой двери; одно колесо громко скрипело. Секунду Лу с удивлением наблюдал за ним, затем переключил внимание:

— Ей-богу, мне некогда, Элисон. Мне надо ехать в одно место, а до этого у меня еще совещание. Где мои ключи? — Он порылся в карманах пальто, висевшего в углу на вешалке.

— Она уже три раза звонила за это утро, — прошипела Элисон, зажимая рукой трубку и держа ее на отлете, словно та была ядовитой. — Наверно, она считает, что я не передаю вам ее сообщения.

— Сообщения? — поддразнил ее Лу. — Не помню я никаких сообщений.

Элисон в панике заверещала что-то и подняла руку, не давая Лу выхватить трубку.

— Как вы можете валить вину на меня! Я на вашем столе три сообщения вам оставила за одно только утро! Ваша семья и без того меня ненавидит!

— Имеют право, не так ли? — Он притиснул ее к столу, сверля ее тяжелым взглядом, от которого она замерла. Он позволил своим пальцам тихонько проползти по ее плечу и затем к руке, державшей телефон, после чего тот оказался уже у него. За своей спиной он услышал покашливание и, быстро отпрянув, приложил трубку к уху и с деланной небрежностью повернулся, будто желая выяснить, кто это ему помешал.

Гейб. Со своей тележкой, приближающийся скрип которой на этот раз почему-то не заставил Лу насторожиться.

— Да, Марсия, — сказал он в трубку. — Разумеется, мне передали всю эту кучу сообщений. Элисон была так любезна, что делала это неукоснительно. — Он ласково улыбнулся Элисон, которая в ответ показала ему язык, после чего сопроводила Гейба в кабинет Лу.

Приободрившись, Лу стал наблюдать за Гейбом. Проследовав за Элисон в просторный кабинет, Гейб стал озираться вокруг с любопытством ребенка, попавшего в зоопарк, по очереди разглядывая все предметы: большой стеллаж справа, гигантские, от пола до потолка окна, откуда виден весь город, громадный рабочий стол из дуба, кресла для отдыха в левом углу, стол для совещаний, за которым могли усесться десять человек, плазменный телевизор с 50-дюймовым экраном на стене. Не всякая квартира в Дублине могла бы потягаться размером с этим кабинетом.

Гейб вертел головой, жадно разглядывая обстановку. Выражение его лица с трудом поддавалось расшифровке, но, поймав взгляд Лу, Гейб улыбнулся. Улыбка тоже была загадочной. В ней не было явного восхищения, на что так надеялся Лу, и уж конечно никакой ревности. Скорее она выражала некое веселое изумление. Так или иначе, улыбка эта напрочь уничтожала гордость и удовлетворение, которые готовился испытать Лу. Улыбка, по-видимому, предназначалась именно ему, но он не был

уверен, имеет ли право разделить с Гейбом его веселость или же Гейб попросту смеется над ним. Испытывая некоторую неуверенность, чувство не слишком ему привычное, он ответил лишь понимающим кивком.

Между тем Марсия продолжала что-то верещать в трубку, и Лу начало казаться, что у него поднимается температура.

— Лу? Лу, ты меня слушаешь? — негромко спросила она своим мягким голосом.

— Конечно, Марсия, но именно сейчас я вынужден прекратить разговор, потому что меня ждут в двух местах и в оба места мне еще надо добираться, — сказал он и, помолчав, издал смешок, чтобы несколько смягчить удар.

— Да, я знаю, что ты очень занят, — сказала она и, вовсе не намереваясь язвить, добавила: — Я бы не стала беспокоить тебя на работе, если б ты хоть иногда заглядывал к нам по воскресеньям.

— Ну вот опять! — Он закатил глаза, приготовившись выслушать очередную порцию упреков.

— Ничего не «опять» и, пожалуйста, выслушай меня, Лу. Мне и вправду тут без тебя не обойтись. Я не стала бы тебя тревожить, но мы с Риком как раз проходим сейчас через все эти бракоразводные процедуры и. — Она вздохнула. — В общем, я хочу сделать как лучше, а одна я сделать это не в состоянии.

— Наверняка так и есть, я тебе верю.

Не зная, что она имеет в виду, он не мог утверждать с полной определенностью, верит он ей или нет, а, кроме того, его все больше беспокоили передвижения Гейба по кабинету.

Натянув провод, он подтащил аппарат в тот угол, где на вешалке висело пальто. Неловко извиваясь, он попытался влезть в рукава, одновременно держа под мышкой телефон, но уронил трубку. Придерживая пальто, он нагнулся и поднял трубку. Марсия все говорила.

— Так можешь ты ответить хотя бы на единственный вопрос — о месте проведения?

— О месте проведения, — повторил он. В кармане у него зазвонил мобильник, и он убавил звук в трубке, желая ответить на звонок.

На секунду она замолчала.

— Да. О месте проведения, — сказала она.

Сейчас звук ее голоса был таким тихим, что ему

приходилось напрягать слух.

— Месте проведения. чего? — Он повернулся к Элисон, всячески изображая панику, и она, перестав следить за Гейбом, подошла к нему с ярко-желтым листочком оставленного сообщения.

— Ага! — воскликнул Лу, вырывая у нее из рук листок, и продолжил, сверяясь с листочком. — Празднования дня рождения вашего, то есть моего отца! Тебе нужно место проведения

праздника!

И опять Лу почувствовал у себя за спиной чье-то присутствие.

— Да, — облегченно вздохнула Марсия. — Только места мне не нужно. У нас их целых два, если помнишь. Я же тебе говорила, мне нужно, чтобы ты помог мне выбрать! Квентин хочет одно, а я — другое, мама же вообще не хочет вмешиваться и.

— Позвони мне на мобильник, Марсия, мне в самом деле пора бежать! Я опаздываю на деловой обед.

— Нет, Лу, скажи мне только.

— Послушай, я знаю потрясающее место, — прервал он ее, вновь поглядев на часы. — Папа будет в восторге, и гости получают огромное удовольствие! — Он торопился поскорее закончить разговор.

— Но я не хочу тут выступать с какими-то новыми предложениями! Ты же знаешь папу! Маленькое торжество в узком семейном кругу и в уютном месте, чтобы он чувствовал себя комфор.

— Уютное и комфортное место. Понял!

Лу выхватил у Элисон авторучку и сделал пометку, поручая Элисон организацию праздника.

— Прекрасно! На какой день назначаем?

— На день его рождения. — Каждый следующий ответ Марсии звучал все глуше.

— Правильно! На день его рождения! — Лу

вопросительно поднял глаза на Элисон, моментально нырнувшую за ежедневником и начавшую лихорадочно его перелистывать. — Я подумал, что неплохо было бы, если б это выпало на конец недели, чтобы все могли оторваться по полной, а дядя Лео — танцевать до упаду.

— У него только что определили рак простаты.

— Не важно, я не о том. Так какие числа у нас ближайшие суббота—воскресенье? — наудачу пискнул он.

— Папин день рождения падает на пятницу, — сказала Марсия потускневшим голосом. — Это двадцать первое декабря, Лу. Как было и в прошлом году, и всегда.

— Двадцать первое декабря, совершенно верно. — Он с упреком взглянул на Элисон, понурившуюся от сознания своей нерасторопности. — Так это ж меньше чем через неделю, Марсия! Почему же ты так затянула с приготовлениями?

— Я не затянула. Говорю же тебе, что обо всем договорено. И в обоих местах готовы принять гостей.

Уже опять не слушая сестру, Лу отобрал у Элисон ежедневник и стал перелистывать странички сам.

— Ах, нет, можешь себе представить, ничего не выйдет. В этот день у нас корпоративная вечеринка и мое присутствие там совершенно обязательно. Приглашены несколько важных

клиентов. А папин день рождения можно отпраздновать и в субботу. Для этого мне придется передвинуть кое-какие встречи, но в целом суббота — это вполне реально.

— Отцу исполняется *семьдесят*, и не станешь же ты переносить юбилей из-за какого-то там корпоратива! — В голосе Марсии сквозило недоверие. — А кроме того, и угощение, и музыка, и все прочее уже заказаны на определенный день. Все, что осталось решить, это место проведения и.

— Ну так отмени все это, — сказал Лу. Спрыгнув с края стола, он уже был готов повесить трубку. — Там, где я предлагаю провести праздник, нас обеспечат и музыкой, и обслуживающим персоналом. Тебе палец о палец не придется ударить, ясно? Так что решено. Все прекрасно. Я свяжу тебя с Элисон, чтобы ты посвятила ее во все детали.

И поставив телефон на стол, он схватил портфель.

Несмотря на присутствие Гейба за спиной, которое он так остро ощущал, он не оглянулся.

— Вы в порядке, Гейб? — спросил он, собирая со стола Элисон папки и засовывая их в еще не закрытый портфель.

— Угу. Все нормально. Я подумал: может, мне спуститься с вами вместе, если нам по пути?

— О. — Лу защелкнул портфель и ринулся к лифту, не умеряя шага, с неожиданной тревогой

думая о том, не совершил ли он ненароком большую ошибку и не придется ли ему теперь каким-то образом показать Гейбу, что, предложив ему работу, он вовсе не прочил его к себе в компаньоны. Нажав кнопку, он вызвал лифт и, глядя, как мелькают цифры этажей на панно, достал мобильник.

— Так у вас сестра есть? — раздался негромкий голос Гейба.

— Угу. — Лу все еще возился с мобильником. Внезапно он вновь ощутил себя школяром, пытающимся отделаться от надоедливой приятеля, которого сам же некогда и приваживал. И мобильник как назло что-то не соединял.

— Здорово!

— М-м.

— Что вы сказали?

Вопрос прозвучал так жестко, что Лу вскинул голову.

— Я не расслышал, — учительским тоном пояснил Гейб.

И тут, непонятно почему, Лу охватил стыд. Он положил мобильник в карман.

— Простите, Гейб. — Он вытер пот со лба. — День был такой суматошный. Я сегодня просто сам не свой.

— Чей же вы тогда?

Лу бросил на него смущенный взгляд, но улыбка Гейба была вполне добродушной.